

Жажда обновения

ТЕАТР: ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

Обыденный житейский эпизод, немудреные, на первый взгляд, человеческие характеры. Простая сложность прозы В. Шукшина... Как ее передать в театре, дать почувствовать, ощутить каждой сценой, жестом?

Когда в полумраке театральной сцены возникает фигура человека в белом и испуганно заикаясь, спрашивает: «Где я? Где мы?..», зритель реагирует оживленно: в медлительности! Не удивительно, что от людей, осквернивших себя пьянством, невежеством, грубостью, слышит Очкарик лениво придуманную на похмельную голову историю о том, что он совершил убийство. «Вы что? Что? Не могу... человек!» — и трагически застывает. Тишину затянувшейся паузы нарушает тревожный голос деревенского тракториста «А не убил ли я кого?». Беспокойно переглядываются другие проснувшиеся обитатели медлительности.

Действие спектакля начинается стремительно, зритель сразу же попадает в атмосферу напряженных поисков ответов на то, что было вчера, переоценки героизма того, что было для них долгое время привычным, обыденным. Режиссер В. Я. Келле-Писае исходит в сложном драматургическом материале именно ту шукшинскую тональности, на которой особенно остро ощущается внутренняя близость персонажей, мучающихся в поисках душевного равновесия, в стремлении твердо ощутить себя в жизни. И в этом — оптимизм В. Шукшина, исследующего нравственные аспекты современного бытия, гражданственность позиции театра, утверждающего жажду красоты в человеке.

Судьбы персонажей пьесы трогает по-человечески, заставляют зрителя сопереживать, а затем — как бы оглянувшись вокруг себя, задуматься. Вспоминается небольшая, почти проходной эпизод — поведение двух молодых людей, равнодушно отворачившихся в поезде от хулиганов. Сочувствие в театре — та «обратная связь», которая подтверждает улачу режиссера, актера, успех спектакля.

Художественная убедительность драматического характера — в открытости душевного порыва героев. Переоценка духовных ценностей персонажами происходит в жестком, бескомпромиссном поединке с... самим собой. На глазах у всех в преодолении драматического «как жить?» совершается обновление души человека. Героями повести овладевают чувства самые различные... Самые человеческие: звучит смех стыдливый, горький, открытый, добрый. Нравственная атмосфера спектакля в отдельных сценах спускается до состояния, можно сказать, осязаемого. Мы почти физически ощущаем, как нарастает драматизм положения Сухонького, когда он в форме летчики является «арестовать» соседа-мещанина. Манере исполнения артиста М. Горбунова присуща психологическая насыщенность в мимике, в интонации реплик. Поражает распахнутость, доверчивость, с которой герой переживает миг своеобразной награды за собственную неуверенность, за долготерпение злых, унижающих че-

ловеческое достоинство шуток, словечек.

Познание современного героя — процесс многослойный, многотрудный. Он не терпит упрощения, схематизма, обеднения духовного мира. Не нуждается и в искусственном нагнетании всякого рода псевдопсихологических трюков. Актеру трудно играть шукшинского героя — героя «простого», «обыкновенного», жизнь которого наполнена мелкими бытовыми неурядицами. Он должен захватить его жизнью, взволновать его волнениями, полюбить его любовью. Поэтому жаль, когда трагизм драматической ситуации, судьбы человеческого затухает в актерском нажимом на приемы внешнего эффекта (тетя Юра — арт. Р. Дорошенко, Сибиряк — арт. Г. Швец).

Смелый эксперимент режиссера поставлен умело: механикам самораскрытия героев действуют психологически убедительно, безотказно. Возникают точные мизансцены, образные композиции, выразительные человеческие труппы. Все складывается в алле становится свидетелем поиска актером главной мысли, его волнения, его правоты. Душевный мир героя — Сантехника реален и конкретен, его чувства понятны и естественны. Актеру А. Кузнецову в прекрасном диалоге с С. Карпенко, в полной мере удается раскрыть одну из сторон шукшинского смеха — радость жизни, способность человека понять других. Вот он стоит перед нами — крепенький, ироничный, выдвигая и... добрый.

В спектакле мы часто встречаемся с подлинным перевоплощением, то есть слиянием артиста с образом, которое и почитается мастерством в искусстве. Это Очкарик — В. Горбачевский. Мрачный в исполнении засл. арт. ЯАССР Б. Пенюкова, Урка, сыгранный засл. арт. ЯАССР В. Антоновым.

Заслуживает серьезного упрека сцена встречи Очкарика с поразившей его воображение, потрясшей его душу Интересной женщиной (арт. Г. Доброскоп), в которой конфликт, по существу, снят. Острый и пронзительный диалог воспринимается скорее всего как тщетный монолог Очкарика. Определенный перекос в понимании содержания характера, по всей серьезности, происходит еще и потому, что для одного из партнеров внешний рисунок образа явно пере-

вешивает внутреннюю, драматическую линию. Ощущение заданности, запрограммированности спора, не оставляющее зрителя, усиливается еще и тем, что многие тезисы, которые высказывает Интересная женщина, актриса тут же почти буквально иллюстрирует поступком, мимикой.

«Обида» — один из самых личных драматических рассказов В. Шукшина, психологически достоверных. Конфликт его накаляется до «белой ненависти», когда человек способен совершить поступки самые неожиданные. Однако напряженный интерес зрительной аудитории к создающейся ситуации не находит порой отклика на сцене. Паузы, длинноты — подобные актерские ходы нередко скандальны и на движениях главной идеи. Временами кажется, что артист В. Тюринин (Молчаливый) не ощущает решимости героя до последнего момента, шукшински защищая свое достоинство, честь. В результате ускользает в характере внутреннее, глубокое чувство, остается контур образа смутный, невнятный. Но, кажется, что эти огрехи вполне устранимы, ибо спектаклю суждена долгая сценическая жизнь.

Общепризнанно, что важным условием является соответствие оформления спектакля режиссерскому решению. Художник-постановщик Н. Попов умеет рассмотреть обстоятельно, детально отобранный для инсценировки материал в контексте всего творчества В. Шукшина. Из глубины сцены с портрета писателя смотрят умные, проницательные глаза. В течение спектакля он появляется несколько раз. Но даже когда гаснет экран, остается трепетное, пронизывающее сердце ощущение света самобытного шукшинского художественного мира, уникальности его личности. И как откровение сквозь шутки-прибаутки выплескивают люди самое сокровенное, наиболее, печальное, трогательное, смешное, трагическое. Совершается пере рождение драматургического материала в мир вещный, в почти осязаемый, в зримые образы. Сотворчество художника, режиссера, актеров в спектакле «А поутру они проснулись...» проявляется в плодотворных поисках оригинальной формы, которая бы наиболее ярко выявила основные мысли повести для театра.

Премьера состоялась. Аншлаги. Удача! Разговор о нем продолжается, значит, равнодушным он никого не оставил.

В обсуждении спектакля государственного Русского драматического театра по повести лауреата Ленинской премии В. М. Шукшина «А поутру они проснулись...» принимали участие Т. Лаптева, М. Бурякова, Г. Балаева, Л. Шишкова и другие студенты историко-филологического факультета ЯГУ — слушатели спецкурса по современной советской драматургии, руководимого С. Ф. Желобовой.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «А поутру они проснулись...»

Фото А. Степанова.

